

ствовали старших, а женщины всех возрастов (за исключением отдельных даргинских обществ) оказывали почтительное внимание мужчине. Особую теплоту и психологический комфорт во взаимоотношения людей вносил широко практикуемый среди горцев обычай взаимопомощи, когда в процессе коллективной трудовой деятельности формировалось чувство коллективизма, солидарности и взаимовыручки, а совместная трапеза во время таких мероприятий еще более сближала и объединяла людей.

Известно, что здоровый юмор и смех делают межличностные отношения раскованными, способствуют психологической разрядке в обществе, производят эффект «выпущенного пара» во взаимоотношениях, способствуют переходу к бесконфликтному решению многих противоречий. Вызываемый шутками и анекдотами смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны социальных норм, которых в горских обществах было более чем достаточно.

В этом отношении среди горцев широкую популярность получили анекдоты, главным героем которых был известный у народов Востока Мулла-Насреддин.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что моральные предписания, этикет и культура поведения в совокупности способствовали динамической стабильности в горских обществах.

¹ Горец, неоднократно гостивший у одного и того же хозяина, становился его кунаком с установлением соответствующих близких отношений между ними.

А.Г. Черевань

ДЕТСКИЕ ПОДВИЖНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ КАК ЧАСТЬ ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВЕРХНЕКУБАНСКОМ КАЗАЧЬЕМ ОБЩЕСТВЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Этнографические материалы свидетельствуют, что военная направленность в воспитании мальчиков и юношей была наиболее актуальна и являлась обязательным элементом у всех народов, так или иначе вынужденных защищать свое Отечество.

Исследователь вопросов военно-физической подготовки казачьей молодежи Кубани С.Г. Александров подчеркивает, что подавляющее большинство детских игр и забав кубанских казаков составляли творчески видоизмененные и адаптированные русские и украинские игры и потехи конца XVIII — первой половины XIX в., распространенные на метрополитных территориях (Александров 1999: 3).

Вместе с тем не следует забывать о том, что, имея происхождение, связанное с бытом древних славян, эти игры формировались на этапах зарождения, становления и развития казачества на Кубани под воздействием социально-бытовых и политических процессов, военизированного быта не только внутри станичной общины, но и в результате взаимодействий с горским населением: «На Кавказе многие игры не знали границ, и посредством казачества и связей народов, проживающих в непосредственной близости, переходили от народа к народу» (Детские казачьи игры 1993: 5).

Трудно, конечно, сейчас говорить, кто у кого перенял — жители казачьих станиц у горцев или наоборот. Да это и не входит в задачи нашего исследования.

Однако несомненно, что тесные контакты с горцами наложили заметный отпечаток на формирование и дальнейшее развитие детских игр, забав, развлечений, бытовавших в среде казачьего населения Верхней Кубани и традиционно рассматриваемых как составная часть общей военно-физической подготовки мальчиков и юношей.

В результате детские казачьи игры конца XIX — начала XX в., многие из которых сохранились в быту казаков Верхней Кубани до настоящего времени, в основе своей сохраняют восточнославянский облик, причем многие из них признаны исследователями довольно архаичными. Вместе с тем определенная изоляция от основного массива кубанских казаков и совместное проживание с горским населением в отдельных случаях указывают на параллели с играми горцев Карачаево-Черкесии — черкесов, карачаевцев, абазин, ногайцев и др., несущими похожее воспитательно-смысловое значение и выполняющими аналогичные функции.

В классификации игр, приведенной С.Г. Александровым, указаны две игры, сформировавшиеся под непосредственным влиянием военизированного быта кубанских казаков, «определенный отпечаток на содержание которых наложили различные исторические события, в частности, Кавказская война — это “Казаки”, “Черкесы”» (Александров 1997: 5).

В книге В.В. Ходарева «Детские казачьи игры и забавы» таких игр больше, однако значительная их часть представляет собой синтез игр, бытовавших в среде кубанских и терских казаков.

Этнографические материалы и собранный нами полевой материал позволяют дополнить арсенал игр славянского происхождения играми, сложившимися в результате взаимодействия с соседними горскими народами.

Игры, забавы, развлечения и упражнения для мальчиков, носящие в верхнекубанском казачьем обществе в конце XIX — начале XX в., военно-прикладной характер, мы классифицировали в соответствии с возрастной градацией: 1) игры и упражнения для мальчиков 3–7 лет и 2) игры и упражнения для мальчиков 8–13 лет — по следующим направлениям:

- игры с бегом и уверткой,
- игры с прыжками,
- игры и упражнения с борьбой,
- игры и упражнения с метанием,
- символические игры.

Исходя из вышеизложенного напрашивается вывод о том, что:

1) распространение отдельных детских игр и развлечений, имея древний славянский генезис, во многих случаях происходило также под влиянием контактов с горцами;

2) детские народные игры верхнекубанских казаков, отражая все многообразие материального и духовного творчества, занимали особое место в традиционной культуре казачества и являлись одним из начальных звеньев в цепи военно-физического воспитания молодых казаков.

Библиография

Александров С.Г. Детские народные игры и забавы как область культурного наследия Кубанского казачества // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе // Мат-лы междунар. науч.-теоретич. конф. 28–31 окт. 1997. Черкесск-Архыз, 1999.

Детские казачьи игры и забавы / Сост. В.В. Ходарев. Ставрополь, 1993.

С.А. Лугуев, А.С. Лугуев

О «ТОРГОВЛЕ БЕЗ ПРОДАВЦА» В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Внутренняя торговля как отрасль традиционного хозяйства играла важную роль в экономике населения «страны гор». Сложившееся к XVII в. географическое разделение труда, специализация в отраслях хозяйства, постепенный рост производительных сил общества и ожив-